

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382

EDN: XIRFKM

Мотив парности персонажей в «Сказании о Мамаевом побоище»

Л. В. Соколова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: liiso@mail.ru

Аннотация. В «Сказании о Мамаевом побоище» действуют несколько парных персонажей. Это Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской, братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Пересвет и Ослябя, а также небесные помощники воинов — первые русские святые Борис и Глеб. Поэтический прием изображения парных героев использован в «Сказании» с определенной художественной целью. Осмысление ее позволяет поставить точку в споре исследователей относительно образа Дмитрия Донского в этом произведении. Одни из них считали, что автор «Сказания» создал панегирик великому князю, приближающийся к агиографическим похвалам, по мнению других — это памфлет, направленный против него, минимизирующий и искажающий его роль в сражении. В статье высказано предположение, что автор использует образ парных персонажей для разделения воинских функций между главными героями. При этом роль героического князя-воина, реального победителя на поле боя автор отвел Владимиру Андреевичу Серпуховскому, а Дмитрий Иванович выступает в качестве идеального христианина, чья непоколебимая вера в Бога и усердные молитвы обеспечили победу русского войска. В статье показано, что парные персонажи «Сказания» восходят к бинарным образам античного и средневекового героического эпоса, архетипической моделью которых является миф о Диоскурах.

Ключевые слова: парность героев, мотив, художественный прием, героический эпос, Сказание о Мамаевом побоище, Летописная повесть о Куликовской битве, Задонщина, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской, братья Ольгердовичи, Пересвет и Ослябя, Борис и Глеб

Для цитирования: Соколова Л. В. Мотив парности персонажей в «Сказании о Мамаевом побоище» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 26–50. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382. EDN: XIRFKM

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382

EDN: XIRFKM

The Motif of Binary Characters in “The Tale of the Battle with Mamai”

Lidia V. Sokolova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: liiso@mail.ru

Abstract. There are several paired characters in “The Tale of the Battle with Mamai.” These are Dmitry Donskoy and Vladimir Serpukhovskiy, brothers Andrey and Dmitry Olgerdovich, Peresvet and Oslabya, as well as the heavenly helpers of the warriors — the first Russian saints Boris and Gleb. The poetic technique of depicting paired heroes is used in The Tale with a certain artistic aim. The comprehension of this aim allows to put a point in the dispute of researchers concerning the image of Dmitry Donskoy in this work. Some of them believed that the author of The Tale created a panegyric to the Grand Duke, approaching to hagiographic praises, according to others — it is a pamphlet directed against him, minimizing and distorting his role in the battle. The article suggests that the author uses the image of paired characters to divide military functions between the main characters. Thus the role of the heroic prince-warrior, the real winner on the battlefield is assigned by the author to Vladimir Andreevich Serpukhovskiy, and Dmitry Ivanovich acts as an ideal Christian, whose unwavering faith in God and diligent prayers ensured the victory of the Russian army. The article shows that the paired characters of The Tale go back to the binary images of the ancient and medieval heroic epic, the archetypal model of these images is the myth of the Dioscuri.

Keywords: pairing of characters, motif, artistic device, heroic epic, The Tale of the Battle with Mamai, Chronicle of the Battle of Kulikovo, Zadonshchina, Dmitry Donskoy, Vladimir Serpukhovskiy, Olgerdovich brothers, Peresvet and Oslabya, Boris and Gleb

For citation: Sokolova L. V. The Motif of Binary Characters in “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 26–50. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13382. EDN: XIRFKM

Речь в статье пойдет об одном художественном приеме в «Сказании о Мамаевом побоище», которое вошло в цикл древнерусских повестей о Куликовской битве 1380 г. наряду с «Летописной повестью о Куликовской битве»¹ и «Задонщиной». По вопросу о взаимоотношении этих памятников до сих пор нет единого мнения. Согласно нашим исследованиям, «Сказание о Мамаевом побоище» основано на «Летописной повести о Куликовской битве». «Задонщина» же является не начальным (как принято считать), а заключительным произведением цикла, автор которого знаком и с «Летописной повестью», и со «Сказанием» [Соколова, 2020а].

В 1980 г. А. Н. Робинсон написал: «Для всех исследователей достаточно очевидно, что ни одна из повестей о Куликовской битве не является документальным описанием события и каждая из них представляет собой литературное произведение с собственными задачами повествования», «только ей свойственным литературным типом». Наиболее показательными в этом отношении являются, по мнению ученого, «различия данных повестей по изображению в них героев битвы, т. е. одних и тех же исторических лиц, и русского войска в целом» [Робинсон: 16–17].

Как же представлены герои Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище» по сравнению с «Летописной повестью»?

В «Летописной повести о Куликовской битве» возглавлявший поход великий князь московский является, по сути дела, единственным героем битвы. Автор создает риторическое восхваление Дмитрия Ивановича, который переправился через Дон, не устранившись «множества ратей»: против него, согласно «Летописной повести», выступил не только Мамай с большим войском, но и литовский князь Ягайло (в «Сказании» замененный на его отца Ольгерда) и Олег Рязанский. Сообщается, что Дмитрий Иванович начал сражение в сторожевом полку, первым вступившим в бой, а затем, «недолго попустя», отъехал в великий полк. Автор «Летописной повести» подчеркивает, что, несмотря на советы князей и воевод не рисковать жизнью,

¹ Под «Летописной повестью о Куликовской битве» имеется в виду повесть, читающаяся в Софийской первой летописи, Новгородской четвертой летописи и во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи.

великий князь храбро сражался в первых рядах и при этом не был ранен, поскольку Бог сохранил его невредимым:

«...бьяшеса с тотары тогда, ставъ напредѣ всѣхъ. А елико одѣсную и ошюю его дружину его биша², самого же въкругъ оступиша около, аки вода многа обаполы, и многа ударения ударишася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его, но от всѣхъ сихъ Богъ заступил его въ день брани щитом истинным и оружием благоволения осѣнилъ есть над главою его, десницею своею защитил его, и рукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ есть, укрѣпивый его, и тако промежи ратными многими цѣл съхранень бысть» (*Сказания и повести*: 22).

В «Сказании», созданном, по нашему мнению, в середине XV в. (см. об этом: [Соколова, 2020b]), существенно изменена трактовка образа Дмитрия Донского³. Здесь значительно пространнее описывается подготовка Дмитрия Ивановича к походу против Мамаея, которая заключается в основном в том, что князь постоянно молится, посещает разные храмы, неоднократно встречается с митрополитом Киприаном, вместе со всем войском отправляется в Троицкий монастырь за благословением Сергия Радонежского. В «Сказании», в отличие от «Летописной повести», великий князь менее решителен, он неоднократно советуется при принятии решений и с митрополитом (по поводу предстоящего столкновения с Мамаем), и с князьями-участниками битвы (по поводу посылки «сторожи» в поле, перехода Дона и др.).

Во время же боя Дмитрий Иванович, согласно «Сказанию», по сути дела, отказался от руководства сражением. Перед началом битвы он обменялся доспехами и конем с боярином Михаилом Бренком, который занял место великого князя под его «черным» стягом. Под этим знаменем и погиб Михаил Бренок; он был найден убитым на поле боя в доспехах и шлеме великого князя московского. В последующем повествовании сообщается,

² Пунктуация исправлена, в издании: «А елико одѣсную и ошюю его, дружину его биша...» (*Сказания и повести о Куликовской битве*. Л.: Наука, 1982. С. 22. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Сказания и повести* и указанием страницы в круглых скобках).

³ Более полный анализ изображения героев Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище» см.: [Соколова, 2023].

что после поединка Пересвета с богатырем из войска Мамаю Дмитрий Иванович отдаёт приказ начать битву. В отличие от «Летописной повести», где подчеркнута, что великий князь не был ранен, в «Сказании» говорится, что он был ранен и сбит с коня, «нужею склонився с побоища» и укрылся «в дебри» (*Сказания и повести*: 44).

Постоянным спутником Дмитрия Ивановича является в «Сказании» его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской. В отличие от «Летописной повести о Куликовской битве», где он назван всего четыре раза, в «Сказании» его имя постоянно упоминается рядом с именем Дмитрия Ивановича. Во время боя серпуховской князь возглавлял засадный полк (в «Летописной повести» о нем не говорится), благодаря которому произошел перелом в битве и татары обратились в бегство. Храбрость, удасть князя Владимира подчеркивается тем, что он рвется в бой, и только более опытный воевода Боброк Волынец удерживает его от преждевременного выступления из засады. Именно полк серпуховского князя преследует воинов Мамаю до их стана. Возвратившись же на поле битвы, Владимир Андреевич, не обретя на поле боя Дмитрия Ивановича, «стал на костях» под знаменем, по сути дела, как выигравший сражение полководец, за которым осталось поле битвы, что было прерогативой князя, возглавлявшего поход⁴. Он же повелевает трубить в «собранные» трубы, созывая оставшихся в живых воинов, и обращается к ним с речью, что также было привилегией предводителя войска (*Сказания и повести*: 44–46).

Владимир Андреевич расспрашивает воинов о Дмитрие Ивановиче и распоряжается отыскать его. Они долго ищут великого князя и наконец находят его «бита и язвена велми и трудна, отдыхающу ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова» (*Сказания и повести*: 46). Владимир Андреевич сообщает великому князю о победе над врагами и поздравляет его с честью победителя, по праву принадлежащей ему самому. При этом он говорит о победе как достигнутой «милостью Божию и Пречистыа Его Матери, пособием и молитвами сродникъ наших святых мученикъ Бориса и Глѣба и молением русскаго

⁴ Древнерусский воинский топоним «стать на костях» означал «оставить за собой поле битвы, победить». См. об этом: [Соколова, 2021].

святителя Петра и пособника нашего и вѣружителя игумена Сергия, и тѣх всѣх святых молитвами врази наши побѣжени суть, мы же спасохомся» (*Сказания и повести*: 46). Тем самым решающую роль в победе Владимир Андреевич отводит помощи Бога и тех святых, которым молился великий князь, а также игумена Сергия, благословившего его на битву. В ответ на это Дмитрий Иванович возносит хвалу и благодарность Богу и Богородице, услышавшим его молитвы и даровавшим русскому войску победу.

Вместе с другими князьями и воеводами великий князь объезжает поле битвы, обращается с речью к оставшимся в живых воинам, благодарит их и призывает похоронить павших в бою соотечественников. Таким образом, после сражения, героем которого выступает Владимир Андреевич, автор «Сказания» возвращает Дмитрию Ивановичу обязанности полководца, собравшего и возглавившего русское войско на битву с Мамаем.

Существуют разные точки зрения по поводу изображения в «Сказании» главных героев Куликовской битвы. По мнению М. Н. Тихомирова, «Сказание» прославляло Владимира Андреевича Серпуховского и литовских князей Ольгердовичей, а «Дмитрий Донской изображен почти трусом»; и это «сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием» [Тихомиров: 346]. Историк считал, что рассказ о Дмитрии, якобы лежавшем «без памяти у срубленной березы», представляет собой «своего рода памфлет, направленный против великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому» [Тихомиров: 370]. Сходную точку зрения высказал Л. В. Черепнин. По его мнению, автор «Сказания» основывался на непроверенных слухах, повествуя о том, что Дмитрий Иванович переделся в одежду Михаила Бренка. Тем самым он якобы «уклонился от руководства русскими полками в день сражения и фактическим победителем на Куликовом поле оказался князь Владимир Андреевич» [Черепнин: 619]⁵. Ранение, заставившее Дмитрия

⁵ Р. Г. Скрынников также выразил сомнение в достоверности эпизода с передеванием Дмитрия Ивановича. По его словам, «легенда о передевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было.

Ивановича фактически выбыть из строя в часы боя (вероятно, исследователь воспринимал его как реальный факт), было, по убеждению историка, использовано врагами Московского княжества из числа русских правителей и противниками Дмитрия Донского из числа московских и не московских бояр для его опорочения [Черепнин: 619]⁶.

Л. А. Дмитриев, напротив, был убежден, что публицистической задачей «Сказания» было «показать первенство великого князя московского». В связи с этим Дмитрий Иванович рисуется в «Сказании» не только как идеальный князь, мудрый государственный деятель, но и «как талантливый полководец, отважный и смелый воин», проявляющий «личную доблесть и мужество» [Дмитриев, 1959: 429]. «Свое великокняжеское одяние он отдает любимому боярину Михаилу Бренку, а на себя надевает боевые доспехи (но разве княжеские доспехи были не боевыми? — Л. С.), чтобы биться с врагом наравне со всеми, как простой воин. Когда войска начинают сходиться, великий князь московский хочет быть впереди всех. Он сражается в самом центре боя⁷, как богатырь, сразу с несколькими врагами, и, как богатырь, он не убит, но настолько утомлен боем, что вынужден отъехать в сторону, где падает почти замертво» [Дмитриев, 1959: 429]⁸. Более того, по утверждению Л. А. Дмитриева, «Сказание о Мамаевом побоище» — «это не только рассказ о битве с татарами, но своего рода панегирик великому

Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи <...> Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным» [Скрынников: 68].

⁶ Если названные историки справедливо отмечали неправдоподобность описанного в «Сказании» поведения Дмитрия Донского, то Н. И. Костомаров писал о том, что «*Дмитрий почувствовал на своих доспехах несколько ударов, побежал в лес, запрятался под срубленное дерево и там улегся без чувств*», как о достоверном историческом факте. Он основывался на Никонской летописи, в которой читается одна из редакций «Сказания». Против нелестной характеристики Н. И. Костомаровым Дмитрия Ивановича как исторического лица выступил М. П. Погодин. Об этой полемике см.: Аверкиев Д. В. Г. Костомаров разбивает народные кумиры // Эпоха. 1864. № 3. Март. С. 276–297. За указание на эту работу благодарю В. Н. Захарова.

⁷ В «Сказании» об этом не упоминается.

⁸ Источником ряда эпизодов «Сказания», в том числе эпизода с переездом Дмитрия Ивановича и эпизода поисков его среди убитых, Л. А. Дмитриев считал устные рассказы о событиях 1380 г. См.: [Дмитриев, 1959: 435].

князю московскому, приближающийся к агиографическим похвалам» [Дмитриев, 1959: 426]. Его «характеристика скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля: Дмитрий Иванович представляется смиренным христианином, помышляющим только о небесном и уповающим во всем на Бога» [Дмитриев, 1959: 427]. Религиозная трактовка образа великого князя усиливается тем, что он призывает русских князей бороться за православную веру и сам выражает готовность «пострадать» за веру Христову «даже и до смерти» [Дмитриев, 1959: 428].

Образ Владимира Андреевича Серпуховского в «Сказании о Мамаевом побоище» является, по словам Л. А. Дмитриева, «идеальным примером "братской" верности младшего князя старшему, т. е. примером вассальной верности удельного князя великому князю московскому...» [Дмитриев, 1959: 429–430]. По мнению исследователя, в «Сказании» Владимир Андреевич — «человек безынициативный, лишь выполняющий волю великого князя. Даже в эпизоде с засадным полком он очень несамостоятелен <...> Время, когда полк должен выехать из засады, определяет Волюнец, он же направляет воинов на битву ("а стяги их направлены крепким въеводю Дмитрием Волюнцем")» [Дмитриев, 1959: 430]. Поэтому, заключает Л. А. Дмитриев, «как самостоятельная личность князь серпуховской для автора Сказания не представлял интереса» [Дмитриев, 1959: 430]⁹. С этим утверждением трудно согласиться, особенно если учесть, что сам эпизод с засадным полком был сочинен автором «Сказания» по примеру подобного эпизода в «Сербской Александрии» [Петров] и что в «Летописной повести», на которой основывался автор «Сказания», роль Владимира Андреевича номинальна.

А. Н. Робинсон задался вопросом: «...что же представлял собой по "Сказанию" образ Дмитрия: панегирик или памфлет?» [Робинсон: 25]. И ответил на него так: «Наши наблюдения подтверждают приведенное суждение Л. А. Дмитриева о том, что автор "Сказания" создал панегирик Дмитрию Донскому» [Робинсон: 25]. По словам исследователя, «усиленно развивая в процессе всего повествования представления о Дмитрии

⁹ Ср.: [Дмитриев, 1955].

как благочестивом христианине, автор вполне логично (по воззрениям эпохи) подводит своего героя к желанию *стать подвижником — "страстотерпцем", пострадать или даже погибнуть в бою за свои идеалы*¹⁰ [Робинсон: 23].

Как при этом объяснил А. Н. Робинсон поведение великого князя на поле боя? Поменявшись одеждой, доспехами и конем с боярином Михаилом Бренком, Дмитрий Иванович, по словам исследователя, «как бы освобождается от великокняжеского церемониала и получает свободу действий в бою. Он не может быть узан татарами, но узнается русскими, что и необходимо автору для дальнейшего рассказа» [Робинсон: 22]. А уход великого князя с поля боя — это, по словам А. Н. Робинсона, «*отнюдь не бегство*, так как автор поясняет: "божиею силою сохранен бысть"» [Робинсон: 23].

Как видим, исследователи, утверждавшие, что автор «Сказания» создал панегирик великому князю Дмитрию Ивановичу, не смогли убедительно объяснить эпизоды «Сказания», рисующие поведение Дмитрия Ивановича во время боя: переодевание, обмен конем, передачу своего великокняжеского знамени, уход раненым с поля боя.

Согласно «кодексу чести» древнерусского воина¹¹, он не имел права живым покинуть поле боя, даже будучи раненым. Так, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем» татары, пораженные богатырской силой воинов Евпатия Коловрата, говорят Батыю:

«Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имуще смерти:

¹⁰ Здесь и далее курсив наш. — Л. С.

¹¹ Кодекс чести воина, в первую очередь князя, сформулирован, согласно «Повести временных лет», Святославом Игоревичем в битве с греками в 971 г.: увидев великое множество греческих воинов, выступивших против русских, Святослав сказал: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду...» (Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 84).

тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшесе един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища»¹².

Великий же князь, согласно «Сказанию», покинул поле боя, его видели «пѣша и идуща с побоища, уязвена велми» (*Сказания и повести*: 46). При этом перед началом сражения он так отвечал приближенным, убеждавшим его не рисковать собой, не вставать в первых рядах:

«Кто болши мене в русских сыновѣх почтенъ бѣ и благаа беспрестани приимах от господа? А нынѣ злаа приидоша на мя, ужели не могу трѣпѣти: мене ради единого сиа вся въздвигошася. Не могу видѣти вас побѣжаемых¹³, и прочее к тому не могу трѣпѣти, и хочу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣру христианскую! Аще ли умру — с вами, аще ли спасуся — с вами!» (*Сказания и повести*: 43).

Эта речь сочинена автором «Сказания» по образцу речи князя в «Летописной повести»¹⁴. Но если в «Летописной повести» (где не говорится о ранении князя и уходе его с поля боя) Дмитрий Иванович верен своему высказыванию, следует ему, то в «Сказании» слово князя расходится с делом.

Чем же объяснить создание противоречивого образа Дмитрия Донского в «Сказании о Мамаевом побоище»? Вероятно, попыткой автора отдать должное и другим героям Куликовской битвы, прежде всего, двоюродному брату великого князя, Владимиру Андреевичу Серпуховскому, за отвагу удостоенному прозвища «Храбрый».

Стояла ли при этом перед автором «Сказания» задача понизить образ великого князя московского, как полагали некоторые исследователи, или переосмысление его роли в бою по сравнению с «Летописной повестью» следует объяснить

¹² Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 192.

¹³ Пунктуация исправлена, в издании: «Не могу видѣти вас, побѣжаемых, и прочее к тому трѣпѣти...» (*Сказания и повести*: 43).

¹⁴ В «Летописной повести» князь Дмитрий Иванович говорит: «Да како азъ възглаголю: "Братѣа моа, да потягнем вси съ единого", а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хочу яко же словом, такожде и дѣлом напреди всѣх и пред всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочыи, то видѣвше, примуть съ усердиемъ дръзновение» (*Сказания и повести*: 22).

иначе? Можно предположить, что автор «Сказания» разделил воинские функции между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, используя прием парности героических образов, или мотив «эпического братства»¹⁵.

Дмитрий Иванович выступает как организатор похода. В его лице автор «Сказания» создал идеализированный тип, персонифицирующий идею христианина, который победил врагов Руси потому, что непоколебимо верил в помощь небесных сил. Промыслом Божиим спасен и сам Дмитрий Иванович, тяжело раненный в бою. Что касается доблести великого князя как полководца, то она в «Сказании» не демонстрируется¹⁶. Эту функцию выполняет его двоюродный брат Владимир Серпуховской, который, занимая подчиненное положение по отношению к великому князю московскому, активно проявляет себя именно в бою.

По всей вероятности, сознательный отказ от изображения геройства Дмитрия Донского объясняется стремлением автора «Сказания» подчеркнуть его духовную функцию, его роль молитвенника и праведника, твердого в вере, и по своей вере получившего просимое. Используя наблюдение А. Н. Робинсона о двух типах изображения героизма в повестях о Куликовской битве (по его мнению, объединенных в фигуре Пересвета) [Робинсон: 34], можно отметить, что традиционно эпический («тленный») тип героизма связан в «Сказании» с образом

¹⁵ При этом нельзя исключать и то, что снижение образа Дмитрия Ивановича в «Сказании» объясняется своего рода «отмщением» за его поведение во время нападения Тохтамыша на Русь в 1382 г.: Дмитрий Иванович сбежал из Москвы, бросив город без защиты, в результате чего Москва была разграблена и полностью сожжена, а Тохтамыш снова обложил Русь тяжелой данью. Это предположение сделала в устной беседе И. А. Лобакова, за что выражаем ей благодарность.

¹⁶ О поведении Дмитрия Ивановича в бою читатель узнает уже после битвы из сообщений воинов, которые оповестили Владимира Андреевича, что великий князь «крѣпко бьющася с погаными палицею своею», что «четыри татарины належахуть ему, онъ же крѣпко бияшеся с ними», что, будучи раненым, он пешим ушел с побоища (*Сказания и повести*: 46). Почему великий князь сражается палицей и пешим уходит с поля боя? Как понять замысел автора «Сказания»? Непременными атрибутами князя являются боевой конь и меч. Здесь же Дмитрий Иванович сражается не мечом, а палицей, проще говоря, дубиной, он сбит с коня. Таким образом, автор «Сказания» не отказывает Дмитрию Ивановичу в личной храбрости (хотя не изображает ее, а лишь сообщает о ней со слов воинов), но лишает его функции полководца на поле боя.

Владимира Андреевича, а традиционно христианский («негленный») тип героизма — с фигурой Дмитрия Ивановича.

Введя мотив парности персонажей, автор «Сказания» вынужден был создавать вымышленные эпизоды, демонстрирующие героическое поведение Владимира Андреевича, важную роль в Куликовской битве братьев Ольгердовичей, и, напротив, выдумывать эпизоды, снижающие образ великого князя московского. Задавшись целью оставить Дмитрию Ивановичу роль полководца, организовавшего и возглавившего поход против Мамаю, но при этом изобразить реальным героем, победителем на поле боя Владимира Андреевича, автор «Сказания» вынужден был удваивать некоторые эпизоды. Вопреки традиции, под княжеским знаменем «стал на костях» на поле боя Владимир Андреевич, он созвал воинов «сбранною» трубою и произнес перед ними речь. Но далее говорится о том, что после объезда поля битвы Дмитрий Иванович тоже «повелѣ трубити в събранные трубы, съзывать люди» (*Сказания и повести*: 47) и тоже обратился к воинам с речью, уже как предводитель войска. Вторично сообщается и о «стоянии на костях»:

«...стояль князь великий за Даном на костѣх осмь дней, дондеже розобраша христианѣ с нечестивыми» (*Сказания и повести*: 47).

И это сознательное удвоение, подчеркивающее роль в битве Владимира Андреевича.

Итак, при изображении главных героев автор «Сказания о Мамаевом побоище» использовал художественный прием парности персонажей. Здесь изображены и другие «героические пары»: братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Пересвет и Ослябя, святые Борис и Глеб, помогающие русским воинам на поле боя.

Тесная соотнесенность и тождественность функций в совместной деятельности на благо социума — главные черты бинарного эпического образа, отличающие его от других действующих лиц.

Наиболее архаический вариант героических пар в письменном эпосе исследователи видят в «Песне о Гильгамеше», произведении вавилоно-ассирийской (аккадской) литературы,

которое можно рассматривать как героический миф. Здесь Гильгамеш (человек цивилизации) приобщает Энкиду (дикое лесное существо со следами зооморфного происхождения) к культуре, и вместе они совершают ряд подвигов [Агранович, Саморукова: 22].

В гомеровском эпосе, как показала И. В. Шталь, несколько героических пар. Это, во-первых, Ахилл и Патрокл. Их роли в пределах эпического идеала резко разграничены, определены и противопоставлены: Ахилл в основном — *неистовый воин*, он эталон эпического воина, воплощенный идеал бойца, Патрокл — *разумный советник*. Различаясь, «они дополняют друг друга на пути к равномерно-полному воплощению идеала "мужа хорошего", "лучшего", идеала воина и советника разом, и совокупность их качеств в целом составляет этот идеал. Ахилл и Патрокл — "половинки" единого эпического целого, эпические двойники» [Шталь: 181].

Аналогичная им героическая пара в «Илиаде» — троянские герои Гектор и Полидамас. Гектор — величайший воитель Трои; храбростью, доблестью, умением сражаться он превышает всех своих соотечественников. Как и всякий эпический герой, Гектор — не только воин, но и советный муж, лучший во всех своих геройских проявлениях. Однако в военном деле Гектор гораздо искуснее и удачливее, чем в советах. Функции советного мужа при Гекторе выполняет Полидамас. Он тоже воин, но главное в нем то, что он благомыслен, знает минувшее и грядущее, разумен, дальновиден и превосходит всех троянских героев мудростью речей, как Гектор превосходит их копьем [Шталь: 182–183].

Назовем еще одну героическую пару греческих воинов «Илиады»: это Диомед и его брат по оружию Одиссей, с которым он разделил несколько приключений. Оба они были любимыми героями Афины, каждый из них обладал чертами своей богини-покровительницы: Одиссей — ее мудростью и хитростью, а Диомед — ее мужеством и умением в бою, хотя ни один из них не был полностью лишен ни того, ни другого аспекта.

Исследование И. В. Шталь чрезвычайно важно для понимания сути эпической парности героев. В данном случае мы имеем дело с парами героев, *взаимодополняющими друг друга до эпического идеала*. Они связаны совместными испытаниями,

это своего рода воинское побратимство. Как отметила исследовательница¹⁷, «суть эпического двойничества сводится к количественно равному взаимодополнению характеров "качествами", "свойствами" противоположными, соответственно в каждом из характеров отсутствующими и имеющими смысл лишь во взаимозамещении и взаимовозмещении до некой целостности» [Шталь, Попова: 62].

Говоря о парности героев в эпосе, И. В. Шталь употребила термины «эпическое двойничество» и «эпические двойники». Эти термины использовали по отношению к парным персонажам героического эпоса также Н. С. Демкова [Демкова] и авторы книги «Двойничество» С. З. Агранович и И. В. Саморукова [Агранович, Саморукова], а вслед за ними и мы [Соколова, 2023]. Однако термин «двойники» по отношению к парным эпическим героям нельзя признать удачным, поскольку он может вызывать ненужные ассоциации с героями-двойниками литературы XIX–XXI вв., олицетворяющими «разномирие» и раздвоенность сознания персонажа¹⁸. Двойник и его протагонист в литературе Нового времени находятся в отношениях противостояния, иногда вражды (нередко двойник «питается» за счет протагониста, по мере его увядания становясь все более самоуверенным и как бы занимая его место в мире), тогда как парные персонажи античного и средневекового героического эпоса — символ двуединства и взаимопомощи. Их архетипом являются тесно связанные и взаимодополняющие друг друга

¹⁷ И. В. Шталь — автор первой части статьи, написанной в соавторстве с Т. В. Поповой.

¹⁸ Само слово *doppelgänger* (двойник) появилось в 1796 г. в романе «*Siebenkäs*» немецкого романтика Жан-Поля. Термин «двойник» (*нем. doppelgänger, англ. doppelganger, duple*) используется чаще всего при анализе феномена двойничества в литературе романтизма, экзистенциального реализма, модернизма и постмодернизма. В каждом из этих направлений двойничество получает свое преломление, имеет свои особенности. Однако нередко исследователи употребляют термин «двойничество» расширительно. Так, Г. Слетойг указывает на то, что двойничество использовалось еще в античности (дуальные мифологические системы, близнечные мифы и пр.), с тех пор обнаруживает «невероятную живучесть и способность к рекомбинированию» [Slethaug: 8]; цит. по: [Джумайло: 246].

«божественные воители» близнецы Диоскуры, совершающие совместно ряд подвигов¹⁹ (о «близнечных» мифах см.: [Иванов]).

С. З. Агранович и И. В. Саморукова, понимая термин двойничество расширительно, подразделяют двойников на три категории: «двойники-антагонисты», «карнавальные пары», «близнецы». При этом «эпическое двойничество» они рассмотрели в разделе «двойники-антагонисты», что вряд ли оправданно, поскольку отнюдь не антагонизм характеризует «эпических двойников» (т. е. героические пары), а, напротив, взаимоотношения «братства» и взаимной любви²⁰.

Парные образы фигурируют также в героическом эпосе Средневековья, например, в «Песни о Роланде». Е. М. Мелетинский отметил, что «Песнь о Роланде» — образец классической стадии развития эпоса — отчетливо противопоставляет «умному» Оливьеру «смелого» Роланда, который неразумно (с запозданием) трубит в рог и неразумно принимает бой с сарацинами, что

¹⁹ Как храбрые и предприимчивые воины, непревзойденные в ратном деле, Диоскуры считались символом доблести. В мифе подчеркнута различная природа каждого из братьев-близнецов: Кастор — смертный, Полидевк — бессмертный, Кастор особенно славился как искусный наездник и укротитель коней, а Полидевк — как кулачный боец. Диоскуры являются и символом преданной дружбы, поскольку бессмертный Полидевк (*рим.* Поллукс) пожелал разделить свое бессмертие со смертным Кастором. Греческие Диоскуры рисовались воображению древних греков как *божественные воители*, пронзающиеся на золотых крыльях или белых конях, готовые прийти на помощь храбрым и стойким бойцам на суше и на море, что будет характерно в последующем и для христианских святых, покровителей воинства. Диоскуры тождественны по функциям Ашвинам индийской мифологии. Другим вариантом близнечного мифа, существовавшим, видимо, параллельно, является миф о близнецах, находящихся в противостоянии и борьбе друг с другом.

²⁰ При рассмотрении категории «близнецы» Агранович и Саморукова упоминают термин К. Леви-Стросса [Леви-Стросс] «диоскурические близнецы», но в категорию «близнецы» они относят «близнечные пары» совсем иного плана, нежели Диоскуры. По словам исследователей, «персонажи-близнецы предстают как модель общей судьбы в ее негативной оценке», они «практически всегда представители социальных низов, причем приниженность героев не обязательно буквальна». Агранович и Саморукова утверждают, что почти все произведения, где наблюдается близнечное двойничество, «связаны с поздним русским средневековьем, с ситуацией духовной и социальной катастрофы, со взлетом антиутопических и эсхатологических настроений», «с особым культурно-историческим контекстом России XVI–XVII веков». Поэтому близнечное двойничество, по их мнению, «можно назвать русским типом» [Агранович, Саморукова: 44–62].

ведет к «гибели со славой» [Мелетинский: 25–26]. Оливье — такой же доблестный рыцарь, как Роланд, но он благоразумен и предпочел бы не погибнуть зря, когда достаточно протрубить в рог, чтобы пришла подмога. А. Д. Михайлов подчеркнул, что было бы неверным считать Оливье менее смелым, чем Роланд. Он славно сражается под Ронсевалем, столь же славна и его смерть. Он только лишен «чрезмерности» Роланда. В «Песни» говорится: «Роланд — храбр, Оливье — мудр, / Одинаковой доблестью отмечены оба» [Михайлов: 157]. Роланд горяч и вспыльчив, что и позволит ему в более поздней литературе с легкостью стать «неистовым»²¹ [Михайлов: 157]. Следовательно, в «Песни о Роланде» мы видим такую же систему организации персонажей, что и в гомеровском эпосе: *неистовый воин* и *разумный советник* дополняют друг друга до эпического идеала воина²².

Отношения героев в средневековом эпосе — своеобразный патронаж, например, они иногда связаны вассально-сюзеренными отношениями, как Гуннар и Хёгни в героических песнях «Старшей Эдды». При этом их взаимоотношение «характеризуется своеобразной асимметрией: один из двойников — эпический герой — в паре выступает как ведущий, главный», другой «имеет вторичную функцию, как бы оттеняя героическую избыточность эпического героя» [Агранович, Саморукова: 22]. В последующей традиции, например, в европейском рыцарском романе, «пара эпических друзей трансформируется в господина и слугу, рыцаря и оруженосца», приобретая в «Дон Кихоте» Сервантеса пародийную семантику [Агранович, Саморукова: 22]. Эта разновидность парных образов всегда

²¹ Имеется в виду рыцарская поэма «Неистовый Роланд» итальянского писателя Лудовико Ариосто (нач. XVI в.).

²² Несколько иным образом организована система персонажей в другой древнейшей поэме — в «Песни о Гильоме», также являющейся выдающимся памятником французского героического эпоса. Существует точка зрения, согласно которой автор «Песни о Гильоме» хорошо знал «Песню о Роланде» и по ее образцу строил свою поэму. Есть некоторое сходство, правда весьма относительное, в поведении двух пар молодых героев, Роланда и Оливье, с одной стороны, Вивьена и Эстурми, с другой. Юный Вивьен — это вполне идеальный эпический герой. Он дал клятву не отступить перед врагом и свято ее исполняет. Но при этом Вивьен лишен внутренней сложности Роланда: он и безмерно («чрезмерно») смел, и благоразумен (Роланд и Оливье в одном лице) [Михайлов: 163, 169].

связана со смехом, с тем, что М. М. Бахтин назвал карнавально-стью [Бахтин]²³.

В древнерусской литературе прием парности героев встречается уже в «Слове о полку Игореве», что отметил Б. М. Гаспаров. Он обратил внимание на «один многократно повторяющийся мотив: представление князей, которым адресуется гиперболизированная похвала, в виде тесно связанной пары, каждый из членов которой наделен определенной ролью в соотношении с другим членом пары» [Гаспаров: 187]. Наиболее подробно разработанной героической парой такого рода являются Игорь и Всеволод: «В произведении специально подчеркнуто, что два главных героя — не просто братья, но *единственные* братья, составляющие, таким образом, замкнутую соотносительную пару: "Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты, Игорю, оба есвъ Святъславличя!"» [Гаспаров: 187–188]. Реальная деталь приобретает здесь, по словам исследователя, дополнительную функцию, подчеркивая соотнесенность героев в качестве тесной братской «пары». Гаспаров отметил также, что некоторые черты в характеристике братьев напоминают о целом ряде компонентов «близнечного мифа» (мифа о Диоскурах) [Гаспаров: 188].

Н. С. Демкова, указав на различие функций парных героев «Слова о полку Игореве»²⁴, добавила, что «Слово» родственно в этом отношении другим произведениям средневековой литературы: «...на память приходят <...> Юрий Ингваревич и Ингварь Ингваревич, замещающий его, в "Повести о разорении Рязани", Дмитрий Донской и Владимир Серпуховский, Пересвет и Ослябя в "Задонщине" (и в "Сказании о Мамаевом побоище")» [Демкова: 55]. Здесь важно отметить, что все произведения Куликовского цикла так или иначе связаны со «Словом о полку Игореве».

²³ Карнавальные пары, упоминающиеся у Бахтина — Пантагрюэль и Панург, принц Гарри и Фальстаф, Дон Кихот и Санчо Панса, Лир и шут. Как и героические пары, пародирующие их карнавальные двойники не имеют конфликтной подоплеки, наоборот, они взаимодополняют друг друга; основным мотивом является их столкновение с внешним миром.

²⁴ «Автор нигде в "Слове" не изображает геройства, удали Игоря в бою, только называет его "храбрым" — достаточно изображения Всеволода» [Демкова: 55].

Итак, мы видим, что мотив парности героев в «Сказании о Мамаевом побоище» входит в приведенный культурный контекст, конечно же, далеко не полный.

В «Сказании» Владимир Андреевич образует пару не только с Дмитрием Ивановичем. Традиционную для героического эпоса пару он составляет *на поле боя* с Дмитрием Боброк Волынцем: «*неистовый*», нетерпеливый, рвущийся в бой князь Владимир и «*разумный*», более опытный «советник»-воевода, выбирающий подходящее время для вступления в бой засадного полка.

Еще одной героической парой, прославляемой в «Сказании», являются братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Они идентичны друг другу, различия между ними сглажены. Выступая как единое целое, они прославляются не только как доблестные воины, но и как мудрые советники. По «Сказанию», именно они советуют Дмитрию Ивановичу перейти Дон. Пару героев представляют в «Сказании» также монахи Троицкого монастыря Пересвет и Ослябя, один из которых предстает в образе искупительной христианской жертвы (Пересвета трудно отнести к образу героя-богатыря), а другой выступает как исполнитель его предсмертного завещания, посредник между погибающим героем и его миром. Парность образов Пересвета и Осляби ближе всего к тому типу, который Н. Т. Рымарь характеризует как разнообразные случаи «дополнения центрального образа второстепенным персонажем»: «...главного персонажа сопровождает его товарищ, друг, самостоятельной роли в сюжете не играющий, а лишь пространственно как бы поддерживающий основной образ» [Рымарь: 87]²⁵.

Еще один бинарный образ в «Сказании» — это первые русские святые Борис и Глеб, помогающие русским воинам на поле битвы, подобно тому, как Диоскуры и Ашвины содействовали достойным воинам на суше и на море. В образе Бориса и Глеба культивируется идея защитников и покровителей княжеского рода, «тем самым всей земли, которая управляется

²⁵ Михаил Бренек в доспехах Дмитрия Ивановича, на его коне, с его великокняжеским знаменем во время битвы как бы замещает Дмитрия Ивановича; вероятно, его можно рассматривать как «двойника» московского великого князя, но о нем ничего не говорится в «Сказании», кроме того, что он погиб на поле боя в облачении великого князя.

этим родом» [Успенский: 42, 46]. В. Н. Топоров отмечает в текстах о Борисе и Глебе и в их иконописных изображениях идею «благодатной парности», а не простой двоичности, и характеризует их как «двойчатку», «близнецов», сопоставляя *конные* изображения святых с дохристианскими образами конных «божественных близнецов» круга ведийских Ашвинов²⁶ или древнегреческих Диоскуров, с одной стороны, и с конными парами христианских мучеников типа Флора и Лавра или Сергия и Вакха — с другой [Топоров: 495–501]²⁷.

На примере образов Бориса и Глеба В. Н. Топоров показывает, что святые могут объединяться в пару *постфактум*, после смерти. По его мнению, «обнаруживается ряд обстоятельств, в той или иной мере препятствующих признанию Бориса и Глеба строго канонической парой»: они «княжили в р а з н ы х г о р о д а х (Ростове и Муроме), были убиты п о р о з н ь (в р а з н ы х м е с т а х, в р а з н о е время, при разных обстоятельствах) и, главное, в сюжете "Сказания" они не выступают вместе ни в одном эпизоде, оставаясь до самой своей смерти р а з ь е д и н е н н ы м и»; «"парность" Бориса и Глеба обнаруживает следы известной "подготовленности", подстроенности и последующей обыгранности этой идеи» [Топоров: 495]; «...подлинной парой Борис и Глеб становятся только в своей единой страстотерпческой смерти, как парная жертва, т. е. парадоксальная удвоенная жертва <...>, своего рода "сверхжертва"» [Топоров: 496]. Подчеркнем, что В. Н. Топоров пишет о парности православных святых как о признаке особой категории святости, объясняя это *двуединой жертвой братьев*, которая становится праведной «сверхжертвой»²⁸.

²⁶ Ашви́ны в переводе с санскритского — «конники», «обладатели коней».

²⁷ Исследователь отмечает при этом, что иконописные изображения свв. Бориса и Глеба определенно представляют их как пару. Они всегда соотношены друг с другом по размеру, облику, одежде, предметным атрибутам. Различия не меняют сути дела. Они проявляются в отдельных элементах и на фоне «подобия» всегда носят характер факультативности, произвольности. Однако есть одно различие, которое является обязательным и безусловным: Борис всегда изображается с усами и бородкой, а Глеб всегда безус и безбород, с длинными волосами до плеч. За этими различиями кроется значимое противопоставление: зрелость (мужество) — молодость (юность), старший — младший [Топоров: 499].

²⁸ Об апостолах Петре и Павле как о парных персонажах см.: [Голикова].

С. В. Жиляков рассматривает образы Бориса и Глеба в «Повести временных лет» как «архетипические дуальные образы» и отмечает использование их мифологемы в произведениях Куликовского цикла [Жиляков: 166].

Итак, мотив парности героев, имеющий глубокую традицию, в русской литературе присутствует уже в «Слове о полку Игореве»; он продолжает разрабатываться в «Повести о разорении Рязани» и в «Сказании о Мамаевом побоище», а затем в зависимой от него «Задонщине», т. е. проходит сквозным мотивом в литературных произведениях XII–XVI вв.²⁹

Парность персонажей выполняет в «Сказании о Мамаевом побоище» важную художественную функцию. Если автор «Летописной повести о Куликовской битве» главенствующую роль отводит великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, то автор «Сказания о Мамаевом побоище», используя вымышленные сюжеты и создавая занимательные картины боя, вводит в действие других персонажей и «распределяет» между ними заслуги в деле победы русского войска на Куликовом поле. В частности, стремясь показать роль в сражении Владимира Серпуховского, автор использует эпический прием парности персонажей. Он изображает его и Дмитрия Донского как героев-братьев, исполняющих разные роли в битве на Куликовом поле и при этом взаимодополняющих друг друга. Владимир Андреевич выступает как герой традиционного типа — «неистовый воин», в то время как Дмитрий Иванович представлен не как классический «мудрый советник», а как герой нового, христианского типа: в нем подчеркивается набожность, непоколебимая вера в Христа и Его помощь, что и обеспечивает, по «Сказанию», победу русскому войску. Традиционную же для героического эпоса пару («неистовый воин» и «мудрый советник») Владимир Андреевич образует на поле боя с Дмитрием Боброк Волынцем. Рядом с главными героями представлены в «Сказании» и другие парные образы братьев: Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, монахи («братья во Христе») Пересвет

²⁹ В русской литературе XVII в. появляются парные персонажи иного типа, например, такие, о которых рассказывает сатирическая «Повесть о Фоме и Ереме» — небылица о двух неудачниках, братьях-близнецах. См. о них: [Лихачев: 41–42].

и Ослябя, а также небесные помощники русских воинов на поле битвы, первые русские святые — двоюродный брат Борис и Глеб.

Изложенная в статье гипотеза раскрывает, на наш взгляд, замысел автора «Сказания» относительно образа Дмитрия Донского, в частности, объясняет изображение его поведения во время боя. Для беллетризованного «Сказания» характерны отступления от реальных событий, не раз отмечавшиеся исследователями анахронизмы и вымышленные эпизоды, что ярко проявилось и при создании образа Дмитрия Донского. В связи с этим пора более решительно отказаться от восприятия этого памятника как достоверного исторического источника.

Список литературы

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. 130 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/hf6iVHwnzZ> (27.07.2023).
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.
3. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien: Institut für Slavistik der Universität Wien, 1984. 405 с.
4. Голикова Д. М. Петр и Павел: образы парных персонажей по лингвистическим данным (на материале английского, французского и русского языков) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 23–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/920> (27.07.2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-23-36
5. Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. С. 33–76.
6. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации. 2017. Т. 2. № 1. С. 243–255 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii/article/view/88/97> (27.07.2023).
7. Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 11. С. 140–155.
8. Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 406–448.
9. Жиликов С. В. О некоторых архетипических дуальных образах в «Повести временных лет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 164–168.
10. Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 174–176.

11. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 1985. 535 с.
12. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 7–71.
13. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва: РГГУ, 1994. 136 с. (Сер.: Чтения по истории и теории культуры; вып. 4.)
14. Михайлов А. Д. Французский героический эпос: вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995. 360 с.
15. Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64 [Электронный ресурс]. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_20_4.pdf (27.07.2023).
16. Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 10–38.
17. Рымарь Н. Т. Поэтика романа. Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та, Куйбышевский фил., 1990. 254 с.
18. Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. С. 43–70.
19. Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153–164 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.jes.su/rusliter/s013160950010998-1-1> (27.07.2023). DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-153-164 (a)
20. Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 67. С. 643–682. (b)
21. Соколова Л. В. Топос «стояние на костях» в древнерусских повествованиях о битвах // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 105–148 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=83881 (27.07.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182
22. Соколова Л. В. «Сказание о Мамаевом побоище» как полемика с «Летописной повестью о Куликовской битве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2023. Т. 70. С. 94–128.
23. Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 335–376.
24. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1: Первый век христианства на Руси. 873 с.
25. Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
26. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

27. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983. 295 с.
28. Шталь И. В., Попова Т. В. О некоторых приемах построения художественного образа в поэмах Гомера и византийском эпосе XII в. // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 53–89.
29. Slethaug G. E. *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale: Southern Illinois UP, 1993. 248 p.

References

1. Agranovich S. Z., Samorukova I. V. *Dvoynichestvo [Duality]*. Samara, Samara State University Publ., 2001. 130 p. Available at: <https://fil.wikireading.ru/hf6iVHwnzZ> (accessed on July 27, 2023). (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 318 p. (In Russ.)
3. Gasparov B. *Poetika "Slova o polku Igoreve" [Poetics of "The Tale of Igor's Campaign"]*. Vienna, The Institute for Slavic Studies at the University of Vienna Publ., 1984. 405 p. (In Russ.)
4. Golikova D. M. Peter and Paul: Images of Pair Personages by Linguistic Data (on Material of English, French and Russian Languages). In: *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 2018, no. 10, pp. 23–36. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/920> (accessed on July 27, 2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-23-36 (In Russ.)
5. Demkova N. S. Problems of Studying “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Demkova N. S. Srednevekovaya russkaya literatura: poetika, interpretatsii, istochniki: sbornik statey [Demkova N. S. Medieval Russian Literature: Poetics, Interpretations, Sources: Collection of Articles]*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1997, pp. 33–76. (In Russ.)
6. Dzhumaylo O. A. New Books About Duality. In: *Praktiki i interpretatsii [Practices and Interpretations]*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 243–255. Available at: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii/article/view/88/97> (accessed on July 27, 2023). (In Russ.)
7. Dmitriev L. A. Journalistic Ideas of “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 11, pp. 140–155. (In Russ.)
8. Dmitriev L. A. To the Literary History of “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Povesti o Kulikovskoy bitve [Short Novels About the Battle of Kulikovo]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 406–448. (In Russ.)
9. Zhilyakov S. V. About Some Archetypical Dual Images in “The Tale of Bygone Years”. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 2018, vol. 7, no. 4 (25), pp. 164–168. (In Russ.)
10. Ivanov V. V. Twin Myths. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh [Myths of the Peoples of the World: an Encyclopaedia: in 2 Vols]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, vol. 1, pp. 174–176. (In Russ.)

11. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [*Anthropologie Structurale*]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 535 p. (In Russ.)
12. Likhachev D. S. Smekh kak mirovozzrenie. In: *Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevney Rusi* [*Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Laughter in Ancient Russia*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 7–71. (In Russ.)
13. Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetypakh* [*About Literary Archetypes*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p. (Ser.: Readings on the History and Theory of Culture; Issue 4.) (In Russ.)
14. Mikhaylov A. D. *Frantsuzskiy geroicheskiy epos. Voprosy poetiki i stilistiki* [*French Heroic Epic. The Questions of Poetics and Stylistics*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 360 p. (In Russ.)
15. Petrov A. E. “The Serbian Alexandria” and “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2005, no. 2 (20), pp. 54–64. Available at: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_20_4.pdf (accessed on July 27, 2023). (In Russ.)
16. Robinson A. N. The Evolution of Heroic Images in Short Novels About the Battle of Kulikovo. In: *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve* [*The Battle of Kulikovo in Literature and Art*]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 10–38. (In Russ.)
17. Ryamar' N. T. *Poetika romana* [*Poetics of the Novel*]. Kuybyshev, Saratov State University Publ., Kuybyshev Branch, 1990. 254 p. (In Russ.)
18. Skrynnikov R. G. The Battle of Kulikovo: Problems of Study. In: *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny* [*The Battle of Kulikovo in the History and Culture of Our Country*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1983, pp. 43–70. (In Russ.)
19. Sokolova L. V. Origins and Special Features of the Texts of the Kulikovskiy Cycle. In: *Russkaya literatura*, 2020, no. 3, pp. 153–164. Available at: <https://ras.jes.su/rusliter/s013160950010998-1-1> (accessed on July 27, 2023). DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-153-164 (In Russ.) (a)
20. Sokolova L. V. On the Issue of Dating and Authorship of “The Tale of the Battle with Mamai”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2020, vol. 67, pp. 643–682. (In Russ.) (b)
21. Sokolova L. V. The Stoyanie na Kostyakh Topos in Ancient Russian Battle Narratives. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 105–148. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638425915.pdf (accessed on July 27, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182. (In Russ.)
22. Sokolova L. V. “The Tale of the Battle with Mamai” as a Polemic with the “Chronicle Tale of the Battle of Kulikovo”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2023, vol. 70, pp. 94–128. (In Russ.)
23. Tikhomirov M. N. The Battle of Kulikovo of 1380. In: *Povesti o Kulikovskoy bitve* [*Short Novels About the Battle of Kulikovo*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 335–376. (In Russ.)

24. Toporov V. N. *Svyatost' i svyaty v russkoy dukhovnoy kul'ture: v 2 tomakh* [Sainthood and Saints in Russian Spiritual Culture: v 2 Vols]. Moscow, Gnozis Publ., Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1995, vol. 1. 873 p. (In Russ.)
25. Uspenskiy B. A. *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevney Rusi* [Boris and Gleb: The Perception of History in Ancient Russia]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 128 p. (In Russ.)
26. Cherepnin L. V. *Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian Centralized State in the 14th — 15th Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Rus']. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960. 899 p. (In Russ.)
27. Shtal' I. V. *Khudozhestvennyy mir gomerovskogo eposa* [The Artistic World of the Homeric Epic]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 295 p. (In Russ.)
28. Shtal' I. V., Popova T. V. On Some Techniques for Constructing an Artistic Image in the Poems of Homer and the Byzantine Epic of the 12th Century. In: *Antichnost' i Vizantiya* [Antiquity and Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 53–89. (In Russ.)
29. Slethaug G. E. *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale, Southern Illinois UP Publ., 1993. 248 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соколова Лидия Викторовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-0049>; e-mail: liiso@mail.ru.

Lidia V. Sokolova, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-0049>; e-mail: liiso@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.10.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.12.2023

Принята к публикации / Accepted 20.12.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2024